

Экскурс 3 (к главе 15) **НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК И ВОСТОК**

Современный период во многих отношениях является переломным не только для исторического процесса, но и для социальной эволюции в целом (см., в частности Заключение). В любом случае это очень важный период, связанный с изменением соотношения Востока и Запада, изменением тренда глобализации, а также и формированием нового мирового порядка, который должен открыть для восточных стран больше возможностей, чем современный американский порядок. Современный период характеризуется процессом сближения развитых и развивающихся стран в ряде важных аспектов, или великой конвергенцией (см. главу 15). Но это в то же время ведет к разрушению прежнего мирового порядка, основанного на гегемонии США, и поиском основ нового мирового порядка. Изменение мирового порядка всегда связано с изменением баланса сил между странами и другими игроками, а такое изменение в свою очередь является следствием развития новых технологий, подъема новых лидеров, важными изменениями в социальной эволюции.

1. Ослабление центра Мир-Системы и формирование нового мирового порядка

По нашему мнению, борьба мирового сообщества с растущим эгоизмом США, которые не желают признавать общие интересы, будет составлять главную интригу современного глобального противоречия. Мы наблюдаем болезненные вариации этой коллизии в разных регионах, особенно на Ближнем Востоке, в событиях на Украине и в других постсоветских странах. Мы полагаем, что в ближайшем будущем новые аспекты столкновений национальных интересов США, с одной стороны, и национальных, региональных и общемировых – с другой, будут демонстрировать нам трансформацию этого противоречия. Но также очень ярко это прослеживается в борьбе политических элит в США и в намечающемся расколе нации, который довольно ясно обозначился в связи с объявленной политикой избранного президента Д. Трампа.

Как уже сказано, сегодня происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и – в более широком смысле – ослабление экономической мощи государств первого мира в целом, что в значительной степени связано и с процессами Великой конвергенции, то есть процессами подтягивания развивающихся стран к развитым (см. главу 15). Поэтому нет сомнения, что рано или поздно (а в целом – относительно скоро) положение США как лидера Мир-Системы изменится и их роль снизится (такого рода прогнозов много, см. ниже).

О неизбежном закате американского могущества стали говорить еще с 1970-х гг., когда страна столкнулась сразу с политическим, экономическим и валютным кризисом. В эти и последующие годы также нередко прогнозировалось, что Япония сменит США в роли экономического лидера (см., например: Vogel 1979; Kennedy 1987; Attali 1991; см. также: Thompson 1988). Было также много работ, в которых анализировались новые вызовы для США, связанные с поражением во Вьетнаме, валютным и нефтяным кризисом, падением доли Соединенных Штатов в мировой экономике и многими другими факторами (см., например: Stohl, Targ 1982; Rosenau, Holsti 1983). Но новый всплеск технологической волны в США в 1990-е гг., проходивший на фоне экономической стагнации

Японии, показал ошибочность таких взглядов. Лидерство Соединенных Штатов не только оказалось достаточно прочным, но и поднялось на новый уровень в результате распада коммунистического блока и СССР.

Однако именно с 1990-х гг. количество прогнозов относительно неизбежного ослабления американской гегемонии и одновременно грядущего выхода Азии на лидирующие позиции стало увеличиваться (Attali 1991; Colson, Eckerd 1991; Frank 1998 [Франк 2002]; Todd 2003 [Тодд 2004]; Wallerstein 1987; 2003 [Валлерстайн 2001]; Kupchan 2002 [Капхен 2004]; Buchanan 2002 [Бьюкенен 2003]; Иноземцев 2008; Арриги 2006; 2009; Frank 1997; Arrighi 1994; 2007; Mandelbaum 2005; Global Trends... 2012; всерьез рассматривает такой сценарий и З. Бжезинский [2012]; см. также: Гринин 2009а; 2009б: гл. 5; Grinin, Korotayev 2010a; 2010b; 2015). Сначала такие прогнозы воспринимались скептически или трактовались просто как выражение левых взглядов либо антиамериканских настроений.

И до кризиса 2008 года всерьез обсуждалась возможность построения надолго *Pax Americana* (относительно некоторых аспектов позиции США в мире в начале XXI в. см.: Renwick 2000; Nye 2002; Vacevich 2002). Жизнь развеяла все эти прожекты, показав существенную ограниченность американского могущества и неуклонность его снижения.

По мере нарастания негативных явлений в Соединенных Штатах и успехов азиатских стран идея о закате США становилась все более обоснованной, вызывая в зависимости от предпочтений торжество или тревогу. Сегодня с учетом последствий мирового кризиса прогноз о снижении в ближайшие десятилетия роли Соединенных Штатов в мире разделяет множество, а возможно, и большинство аналитиков. С неизбежностью потери своего абсолютного лидерства, похоже, начали примиряться и многие в США, хотя другие еще надеются на некое технологическое или иное чудо, которое возродит американскую мощь (это ярко проявлялось, в частности, в выступлениях президента Б. Обамы и теперь в заявлениях Д. Трампа).

С 2008 г. (даже до начала глобального кризиса) появляется все больше статей, в той или иной мере утверждающих, что американское могущество под угрозой, что США перестают быть абсолютным гегемоном, что однополярный мир трансформируется и т. п. (см., например: Милн 2008; Naass 2008; Закария 2009; Le Monde 2009). Многие из статей носили весьма выразительные заголовки, например: «Иллюзорность американского могущества» (Гринуэй 2008); «Конец американской эпохи?» (Кеннеди 2009); «Падение Америки создает опасные возможности для ее врагов» (Падение Америки... 2008); «Величие Америки рухнуло и раскололось на куски» (Грей 2008); «Американский век на закате» (Reid 2008). Такого рода статьи постоянно появляются (см., например: Бреммер 2015; Клэр 2015; Уитни 2015а), хотя некоторая стабилизация американской экономики и активизация в традициях гегемонии ее внешней политики поддерживают надежды тех, кто верит, что американский век будет длиться долго. Также многие надеются на способность США сдерживать соперников (на те или иные возможности поддержать лидерство США указывают ряд авторов; см., например: Милн 2008; Кеннеди 2009; Бреммер 2015). С другой стороны, критики программы Д. Трампа, прежде всего в самих Соединенных Штатах, пророчат всяческие беды Америке в результате ее реализации.

Действительно, современный кризис стал важным этапом в плане ослабления позиций нынешнего лидера. В целом прежние приоритеты и основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные для США основания, рано или поздно начнут трансформироваться в новый порядок.

Прежде всего отметим, что США всеми силами и вопреки всему пытаются сохранить свою гегемонию и в условиях замедления экономического развития активно применяют тактику обрушения любых соперников, которые рассматриваются ими как опасные. В последние годы правления Б. Обамы главным объектом таких атак выступала

Россия (по мнению его администрации, ее примерное наказание могло заставить и Китай «вести себя» лучше). Но при Д. Трампе Соединенные Штаты, похоже, думают уже больше о том, как сдерживать Китай, который стал слишком мощным. Для ослабления Китая США активно пытались разыгрывать индийскую карту, заигрывая с Индией, хотя сейчас Трамп одинаково накладывает санкции на всех: союзников и соперников. Повторим, США в соответствии со своей доктриной постоянно пытаются дестабилизировать те или иные режимы, которые кажутся им опасными, враждебными или слишком неуступчивыми (недавняя попытка военного переворота в Турции, в поддержку которой президент Р. Т. Эрдоган открыто обвиняет Америку, яркий тому пример). К сожалению, о последствиях таких откровенно враждебных действий для экономики других стран, устойчивости мирового порядка и поддержания определенных стандартов международных отношений в США практически не думают.

Однако подобные действия не могут иметь стопроцентного успеха, поскольку главная причина ослабления лидерских позиций США не в соперничестве других держав, а в ослаблении внутренних импульсов развития в самих Соединенных Штатах. Поэтому изменение их позиции в мировом рейтинге неизбежно. Но этот процесс будет трудным для всего мира. При этом еще больше усугубит проблемы нежелание США утрачивать ведущую роль. Ситуация на Ближнем Востоке хорошо это иллюстрирует (см. Гринин, Коротаев 2016; Гринин, Исаев, Коротаев 2016). США перестали поддерживать арабский статус-кво рука об руку с саудовскими королями, и по этим дням им еще не раз придется ностальгировать (см.: Камински 2011)¹. Ныне Соединенные Штаты скорее предпочитают хаос порядку; при этом они надеются, что хаос будет управляемым, но управлять им трудно или просто невозможно. В результате США не смогли уйти с Ближнего Востока, как предполагали, а, напротив, еще больше там завязли (Тол Гёньюль 2015; Phillips 2016), и «распадающийся Ближний Восток источает мстительное презрение к Соединенным Штатам» (Фримэн 2015; см. также: Лорд 2015). Америку перестают бояться и крупные игроки (такие как Турция или Саудовская Аравия), которые начинают вести собственную игру (см., например: Раинери 2014; Исаев, Коротаев 2014а; Тол Гёньюль 2015; Korotayev, Issaev, Shishkina 2016; Grinin, Korotayev 2016; Хайруллин, Коротаев 2018; Васильев и др. 2019). Поэтому крайне необходимо активно исследовать весь спектр вытекающих из этого процесса последствий для очень многих стран и мира в целом.

Необходимость подтянуть политическую составляющую Мир-Системы, усилить глобальное регулирование финансовых и иных агентов в долгосрочной перспективе предполагает определенное сокращение национального суверенитета, о чем мы говорили в ряде работ (см. Гринин 2008а; 2008б; 2009г; 2015б; Grinin 2013b; 2014; Гринин, Коротаев 2016). Но проблема в том, что этот объективный процесс, который происходит с конца прошлого века, Соединенные Штаты и другие сильные игроки стали использовать, чтобы навязывать свою волю и интересы десяткам стран. В целом в результате ослабления лидерских функций США, попыток в этой связи ряда государств изменить мировые правила (например, в отношении статуса доллара и т. п.) и одновременно абсолютного нежелания США уступать хоть что-то из своих неформальных прерогатив напряженность в мире усилилась.

В итоге мировой порядок сменяется мировым беспорядком, в котором действует одновременно несколько принципов, где сосуществуют однополярный и многополярный миры. Причем «новорожденный многополярный мир беспорядочен, почти анархичен» (Многополярный... 2009). Тем не менее «было бы ошибкой недооценивать сейчас влияние США после того, как его переоценили в прошлом. Еще более страшной ошибкой

¹ При Трампе, впрочем, американо-саудовские отношения значительно улучшились, но при Байдене они ухудшились снова.

было бы... убедить себя в том, что Америка готова добровольно отречься от своей короны» (Лаиди 2009).

Необходимость подтягивания политической составляющей глобализации к обогнавшей ее экономической вызывает напряжение в тех или иных странах и регионах. Причем такое подтягивание происходит рывками и означает более или менее сильные политические и геополитические кризисы в тех или иных местах. Ближний Восток (теперь включая и Турцию), Украина, Нигерия, страны Латинской Америки хорошо это демонстрируют. Таким образом, международная ситуация становится более неустойчивой и турбулентной. Мир-Система вступила в эпоху реконфигурации, когда меняется соотношение сил, растут новые центры, ослабевает прежний, всевозможные коллизии усиливают нестабильность (по счастью, пока это не проявляется слишком остро). В отношении развивающихся и быстрорастущих стран также возникает опасность, что их экономические успехи опережают возможности политической системы. Мы подробно говорили об этом в отношении Ближнего Востока, Китая, Индии (Гринин, Коротаев 2016). Неизбежный подъем развивающихся стран, растущая экономическая конвергенция в мире также заставляют предполагать возможные социально-политические кризисы в развивающихся обществах, где растет средний класс, меняются представления о стандартах, увеличивается активность различных групп населения. И все это подогревается инспирированием политических или социальных волнений извне.

Указанная турбулентность в мире вместе с формированием различных союзов и комбинаций может продлиться определенное время. Как мы уже говорили, в этот период начнется более быстрое объединение в блоки, создание различных союзов и организаций. Собственно, этот процесс уже начался с момента глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. или даже несколько ранее (см. подробнее, например: Гринин, Коротаев 2012б: 360–390; Grinin, Korotayev 2010b). И сегодня мы видим, как быстро объединяются, ссорятся, мирятся различные крупные и мелкие игроки на мировой политической арене.

Но постепенно наряду с вероятным усилением конфликтности и политических перемен в различных регионах усилится вектор, направленный на формирование общего поля интересов государств. Мы надеемся, что после определенного периода «игры без правил», который не может быть слишком долгим (возможно, до двух десятков лет), мировая арена все же начнет рассматриваться как общее поле интересов, на котором следует устанавливать выгодные для всех правила игры и поддерживать их. Подтягивание политической составляющей глобализации может заключаться в том, что общемировые интересы начнут так или иначе оказывать влияние на политику все большего количества государств. А это значит, что в самой концепции внешней политики и постепенно (очень неравномерно) в ее практическом осуществлении принципы откровенного преследования эгоистических интересов разных государств будут занимать меньше места, чем сегодня.

Да, конечно, сказанное может звучать утопично. Тем более что за последние несколько лет эгоистические подходы и двойные стандарты даже стали применяться шире. Однако, возможно, это свидетельствует о том, что мир находится на пути поиска принципов нового мирового устройства. Вероятно, для этого потребуется пережить какие-то катаклизмы (вроде нового экономического кризиса), поскольку именно в кризисные моменты ситуация меняется более активно. После 2008 г. произошли некоторые изменения, в том числе и в политике США, которые стали больше учитывать мнение других стран, но стоило их экономике чуть окрепнуть, как они начали возвращаться к прежним позициям.

Таким образом, в течение некоторого времени принципы мирового порядка могут измениться. Конечно, при неблагоприятном течении событий вариант жестких международных отношений, усиления дипломатии с позиции силы вовсе не исключен. Также не

исключено повторение ситуации, в некотором смысле схожей с той, что сложилась в Европе в начале XX в., если, например, противоречия США и Китая перейдут в состояние напряженного противостояния и вокруг них начнут группироваться блоки.

При развитии же по благоприятному сценарию к середине этого столетия грубая демонстрация силы в качестве ведущего инструмента политики национального эгоизма, как нам кажется, может уже использоваться значительно реже. Дело, разумеется, не в том, что национальный эгоизм исчезнет (это вряд ли вообще когда-нибудь случится). Просто он будет сильнее, чем сегодня, камуфлироваться наднациональными интересами и нуждами. Точнее говоря, всякая международная акция может требовать, помимо реального интереса, также и определенного идеологического обоснования. Поэтому есть ощущение и надежда, что – конечно, весьма постепенно – во внешней политике все чаще будут звучать лозунги общего (регионального, мирового, группового) блага, хотя за формулировкой «кто лучше представляет мировые интересы» могут скрываться, как всегда, эгоистические цели. Но подобная трансформация так или иначе приведет к довольно существенным изменениям, причем во многом положительным. Во всяком случае, может сложиться такая ситуация, что страны, которые будут продолжать в грубой форме отстаивать национальные эгоистические интересы, в конечном счете проигрывают (между тем Д. Трамп как раз демонстрировал возврат именно к такой грубой методике). Также можно надеяться, что неизбежно и радикально изменится политика наиболее крупных государств, направленная на то, чтобы насильственно доминировать в мировом или региональном масштабе (включая и наиболее независимого и эгоистичного суверена – США).

В этом случае характер отстаивания национальных интересов, причины соперничества на международной арене, формы конфликтов и тяжб постепенно начнут приобретать уже иной вид. Заметнее пойдет конкуренция за то, кто станет направлять процесс формирования нового мирового порядка в мире и отдельных регионах. Тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового и регионального устройства и т. п. А в проведении такого рода политики, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В борьбе за почетное место в глобализации и коалициях, в организации и функционировании нового мирового порядка наступает то, что мы назвали *эпохой новых коалиций* (Гринин 2009в; 2012в; Гринин, Коротаяев 2012б; Grinin, Korotayev 2010b; 2012a). В результате могут быть обозначены контуры новой расстановки сил на определенный достаточно продолжительный срок.

Вполне вероятно, что на определенное время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие коалиции порой могут оказаться химерическими, эфемерными или фантастическими. В подтверждение сказанного о совершенно неожиданных союзах и блоках можно привести форум стран БРИКС.

Сегодня союз стран БРИКС стал вполне осязаемым, начинают осуществляться вполне серьезные проекты, в частности по созданию нового мирового банка и др. Растет число стран, желающих в той или иной степени сотрудничать в рамках БРИКС. Но вспомним, что аббревиатура БРИК появилась в записке аналитика «Голдман Сакс» Дж. О'Нейла в 2001 г. для удобства анализа. Однако неожиданно умозрительные конструкции «ожили», и в 2009 г. в российском Екатеринбурге прошел первый форум стран БРИК на уровне руководителей государств, а затем, в 2010 г., аналогичный состоялся в Бразилии. Далее к этому форуму четырех был приглашен пятый участник – ЮАР, и БРИК превратился в БРИКС.

В апреле 2011 г. прошел первый форум БРИКС на высшем уровне в Китае на острове Хайнань (см., например: Садовничий и др. 2014). Но тогда еще не было ясно, станет

ли БРИКС достаточно устойчивым объединением. Сегодня, после целого ряда форумов и важных решений, очевидно, что у него может быть будущее.

При этом участие в данном неофициальном союзе открывает возможность присоединиться к другим объединениям, таким как ШОС или ЕврАзЭС, либо к международным проектам, как, например, Китайский Азиатский банк или «Новый Шелковый путь».

Таким образом, мы видим, что современные союзы могут возникать как бы случайно и на совершенно неожиданных основаниях. Земной шар становится достаточно тесным, чтобы можно было дружить и сотрудничать, необязательно находясь рядом друг с другом. Вот почему возникают самые разные геополитические фантазии, и некоторым из них, вполне возможно, суждено осуществиться, как это произошло с БРИКС.

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. Но в конце концов некоторые из новых союзов и объединений могут стать постоянными, фиксированными и принять особые наднациональные формы. В рамках этого же процесса начнут вырабатываться некоторые новые нормы мирового права, о необходимости которых говорят уже в течение нескольких десятилетий (см., например: Тинберген 1980).

Итак, несомненно, что в ближайшие десятилетия расклад сил в мире существенно, а то и радикально изменится. Роль США и Запада будет сокращаться, а роль развивающихся стран, особенно крупных, – возрастать. Называется множество причин, определяющих этот процесс; их анализ мы представили в данной монографии. Но разница во взглядах не может скрыть того факта, что именно современная глобализация сделала эту тенденцию неизбежной. Начавшись в мире, где между развивающимися и развитыми странами лежала пропасть, она затем стала способствовать сокращению разрыва в уровне их развития. Мы полагаем, что из самой сути процесса глобализации вытекает, что развивающиеся страны должны двигаться быстрее развитых. Ведь он усиливает открытость экономических границ, а это приводит в действие своего рода закон сообщающихся сосудов. В итоге развитие периферии ускорилось, а центра – замедлилось. Без всякого сомнения, это один из самых важных результатов двух последних десятилетий. Разрыв будет сокращаться (до определенного предела, конечно, и не без попятных движений) и в течение последующих десятилетий. Это проявится не только в подъеме экономики развивающихся стран, но также в снижении уровня бедности в них при быстром росте среднего класса (см., например: НИС 2012).

В настоящее время роль двух крупнейших растущих экономик – Китая и Индии – особенно велика, и их влияние будет расти еще в течение десятилетий. Это неудивительно, так как в 2030 г. на обе страны вместе будет приходиться треть населения, а также, возможно, 35 % потребления всей мировой энергии (см., например: ВР 2012: 45). И по многим другим показателям в совокупности они будут иметь огромную долю от мировой.

Экономическая же роль США, как мы уже неоднократно говорили, в обозримом будущем снизится еще сильнее, а значение этой страны как лидера Мир-Системы уменьшится. И этим очень обеспокоены многие в самих США (Mandelbaum 2005; Мир... 2009; Бжезинский 2012; Киссинджер 2014). Сегодня перспективы выхода Соединенных Штатов из системного кризиса (включая кризис долговой) весьма туманны. Вероятность того, что они вновь обретут прежний динамизм, не так уж высока.

В то же время надежды некоторых политологов и экономистов на скорый и обвальный крах США (см., например: Айвазов 2012) беспочвенны: такое сокращение, скорее всего, будет происходить постепенно, по мере того как объективные обстоятельства, включая рост периферийных стран, будут этому способствовать. Как говорит знаток «ве-

ликих держав» П. Кеннеди, этот уход будет долгим (Кеннеди 2009; см. также: NIC 2008; Закария 2009). Кроме того, надо учитывать, что мир в целом пока еще заинтересован в сохранении американского лидерства (см., например: Барбер 2014; Закария 2009). В ближайшие два-три десятилетия Соединенные Штаты, по всей вероятности, останутся «первыми среди равных» из-за их превосходства в отношении целого ряда аспектов лидерства и «узаконенности» их лидирующей роли (NIC 2012: XI).

* * *

Итак, мир вступил в эпоху, в которой роль третьего мира будет становиться все заметнее во все больших сферах. В этом плане ближайшие к нам десятилетия могут означать (при благоприятном сценарии), что мы увидим радикальные изменения в ряде стран – уменьшение бедности, неграмотности, рост уровня жизни и т. п. В то же время, как уже было сказано, ближайшие к нам десятилетия будут означать турбулентную эпоху и в мире в целом, и в ряде стран. Поэтому можно ожидать серьезных кризисов, которые удасться благополучно пережить не всем государствам. Тем более что вмешательство со стороны США и западных стран во внутренние дела этих государств может даже усилиться. Особую тревогу, конечно, вызывает Ближний Восток и – шире – Большой Ближний Восток, который, несомненно, еще не раз удивит мир. Именно этому региону предстоит наибольшая и самая болезненная модернизация, связанная с уменьшением роли религиозных догматов и их влияния на образ жизни людей, особенно женщин. Такая модернизация, вне всякого сомнения, будет трудной, длительной и конфликтной. Но и подъем Индии и Китая также таит в себе серьезные опасности для этих стран и для всего мира. В этом плане ближайшие десятилетия могут стать важнейшим рубежом для формирования будущего облика мира, мирового порядка, глобализации и тех процессов, которые определяют облик второй половины XXI в.

Необходимость нового порядка, проблемы переходного периода к нему и баланса сил. Бремя единственной сверхдержавы оказывается непосильным. Ей приходится считаться с тем, что ее воля сталкивается не просто с желаниями других наций, но уже с региональными, а то и мировыми интересами. Невозможно все время уверять, что интересы США – это интересы мира, немисливо неопределенно долго нести бремя сверхдержавы, вмешиваясь во все (Бьюкенен 2015). Неудивительно, что даже поддержание претензий на это становится непосильной задачей, а реакция на недостаток сил – все более нервной.

Действительно, ослабление лидерских функций США несет множество проблем. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-то еще (от Индии до России; но чаще всего речь идет о Китае). Тем не менее это глубокое заблуждение, дело вовсе не обойдется простой сменой лидера. Поэтому крайне необходимо активно исследовать весь спектр вытекающих из этого процесса последствий.

Наши предположения о принципах нового мирового порядка опираются на следующие выводы. Во-первых, на смену США не может прийти новый гегемон, который бы обладал таким же набором лидерских преимуществ, каким сегодня обладают Соединенные Штаты. А следовательно, потеря США статуса лидера приведет к коренному изменению всей структуры мирового экономического и политического порядка. И поэтому (а также и по многим другим причинам) утрата США роли лидера будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы, даже ближайшие последствия которой во многом неясны (подробнее об этом см.: Grinin 2009; 2011; 2012a; 2012b; Grinin, Korotayev 2010b; 2011; 2015).

Во-вторых, ослабление лидерских возможностей Соединенных Штатов неизбежно и будет проявляться все заметнее при сохранении у США целого ряда преимуществ перед другими конкурентами в борьбе за лидерство (Бреммер 2015; Бирлинг 2015; Закария 2009). В-третьих, мир в определенной мере заинтересован в «мягком» лидерстве США,

но никак не в диктаторе, задача которого – любыми методами подорвать мощь соперников. В-четвертых, для перехода к новому состоянию мира придется на ощупь искать и формировать принципы и условия, создавать прецеденты и нужные комбинации. Следовательно, это будет трудный и долгий поиск. В-пятых, путь к новому мировому порядку связан с временным усилением турбулентности и конфликтности, нестабильности, борьбы различных версий нового порядка, то есть с наличием определенного мирового «беспорядка».

Таким образом, сегодня все отчетливее просматриваются тенденции к тому, что новый мировой порядок будет иным, миром без гегемона, хотя он и будет включать в себя те или иные центры силы и влияния, среди которых, возможно, важнейшим будут оставаться США. Но они могут претендовать только на звание «первого среди равных», а не на роль сверхдержавы и гегемона (NIS 2008; Закария 2009). Соответственно вырисовываются два сценария «ухода» США: 1) осмысленный и наиболее выгодный для них в долгосрочной перспективе путь строительства нового мирового порядка с максимальным сохранением своего влияния, но не диктата; 2) ожесточенная борьба США за сохранение статус-кво, включая всевозможные действия по подрыву и ослаблению соперников. Это будет неизбежно создавать постоянную напряженность и конфликтность. Пока создается впечатление, что США избирают второй путь (хотя очередной экономический кризис может заставить их свернуть на первый, правда, много времени и возможностей уже будет утрачено). Но даже при движении по второму пути США вынуждены будут все активнее искать союзников, формировать новые глобальные союзы (см. ниже). Так или иначе, именно борьба вокруг гегемонии США и позиция Америки в отношении крупных и быстрорастущих стран будет составлять главную интригу современных глобальных противоречий².

Почему усиление «беспорядка» в известной мере если не неизбежно, то более вероятно, чем «мягкий» переход? Прежде всего потому, что движение к новому состоянию требует мудрости и компромиссов со стороны всех, особенно США. Однако мудрость всегда являлась дефицитным качеством в среде политических элит. Но есть и более глубокие причины. Радикальное изменение баланса экономических сил в мире, о котором мы говорили выше, создает объективные условия для пересмотра мирового порядка. Однако оно вовсе не влечет за собой автоматическое изменение и военно-политического баланса. Для этого, как уже сказано, требуется «подтягивание» политической составляющей мирового развития (политической глобализации) к экономической.

При этом, повторим, надо иметь в виду, что такое «подтягивание» политической составляющей глобализации к экономической означает более или менее сильные политические и геополитические кризисы в тех или иных регионах мира. Мы рассматриваем кризисы и потрясения на Ближнем Востоке начиная с 2010 г., а также кризис на Украине именно как такие «реконfigurативные» кризисы, которые одновременно становятся и геополитическими, требующими изменения мирового порядка (Гринин и др. 2016). При этом становится все более вероятным возникновение серьезных и внезапных кризисов также в других регионах. Внезапность их может быть сродни землетрясениям. И, продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что подобно тому как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее пластичных участков земной коры на границах тектонических плит, такого же рода «реконfigurационные» кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических «плит». И Ближний Восток, и Украина относятся к таким регионам³. Поэтому можно

² Основная неопределенность состоит в том, как власти США будут отвечать на сигналы, противоречащие их точке зрения, что справедливо отмечал в 2008 г. Джордж Сорос (2009).

³ На стыках находятся также общества Закавказья и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Синьцзян), Западной Африки (на стыке исламской и Тропической Африки), некоторые регионы Южной Америки. Это до-

предположить, что особенно сильные изменения будут происходить в периферийных странах, которые, образно говоря, лежат именно на таких «стыках».

Предшествующий формированию нового мирового порядка период «подтягивания» политической составляющей неизбежно втянет мир на определенное время (одно-два десятилетия) в турбулентную эпоху кризисов и усиления напряженности. Но экономическое развитие мира в этот период будет относительно слабым (Grinin 2009; Гринин 2012; Grinin, Korotayev 2012; 2014a; 2015), становясь амбивалентным фактором, не только дополнительно усиливающим напряженность, но и склоняющим страны к сотрудничеству.

2. Почему и как мировой порядок должен измениться

Почему мировой порядок должен измениться? Сначала рассмотрим причины и направление вероятного изменения баланса сил. Необходимо четко различать два аспекта проблемы. Первый – объективные причины и тенденции, которые делают процесс изменения неизбежным. Второй – конкретный ход событий, предугадать который крайне сложно (здесь возможны временные и существенные победы США). И все же изменить ход событий радикально для США возможно только в случае, если они смогут вновь увеличить свою долю в мировом ВВП и других показателях, что пока представляется почти невероятным. Напротив, мы полагаем, что тенденция (пусть с колебаниями) более быстрого экономического роста развивающихся стран по сравнению с развитыми будет доминировать в ближайшие два десятилетия, что может необратимо повлиять на изменение мирового порядка. Чтобы лучше аргументировать данные идеи, рассмотрим в динамике, как трансформируются основные преимущества, позволяющие сегодня поддерживать гегемонию Запада, а именно: финансовое, технологическое и экономическое превосходство⁴.

Финансовое преобладание – одно из самых главных преимуществ Запада, используемое в том числе и для обрушения экономики соперников. По объему оборота капиталов, мощи финансовых и банковских корпораций, стоимости активов и т. п. западные страны превосходят остальные государства едва ли не в той же степени, в какой ранее превосходили их в промышленном развитии. Также исключительно важным преимуществом западных стран являются свободно конвертируемые валюты. По мнению П. Кругмана (2013), странам с такими валютами можно не заботиться об объеме эмиссии и долгов. Действительно, в какой-то степени рост экономики Запада с 2008 г. в основном обеспечили именно финансовые технологии.

Преимущества западной валютно-финансовой системы являются важной частью современного мирового порядка (см., например: Сорос 2009). В какой-то мере в последние два-три десятилетия возникло новое разделение труда в мире: финансовая деятельность сосредоточилась в США и западных странах, а промышленное производство (в том числе и в обрабатывающих отраслях) в большей степени перешло в развивающиеся страны. Но разрыв в финансовой сфере будет сокращаться и потому, что рост экономик развивающихся стран требует соответствующей финансовой базы, и потому, что рано или поздно значимость валют и финансовых центров этих государств возрастет. Сегодня за-

вильно неустойчивые регионы, где кризис возможен, некоторые его симптомы уже проявляются (но это не значит, что кризис обязательно разразится).

⁴ **Военное превосходство** исключительно важно, оно позволяет проводить, выражаясь политическим жаргоном прошлого века, «дипломатию канонерок» и «политику большой дубинки», безнаказанно осуществлять карательные акции, наказывать непокорные режимы и т. п. Но все же военная сила в современных условиях – не тот инструмент, с помощью которого можно пытаться решить геополитические задачи в мировом масштабе. Тем более что тем или иным странам достаточно иметь хотя бы потенциальную возможность наносить ущерб армиям США или их союзников (для чего не нужен даже военный паритет), и военное превосходство уже перестает быть «последним доводом». Поэтому мы считаем, что для изменения баланса сил достаточно сокращения финансового и экономического неравенства между первым и третьим мирами.

падные экономики находятся между Сциллой слабого экономического роста с низкими ставками и Харибдой сверхзадолженности, которая может грозить государственным дефолтом. Это своего рода ловушка, выход из которой неочевиден. Все это, особенно в связи с новыми финансовыми кризисами (которые неизбежны и могут обрушить надувшиеся «пузыри» акций и облигаций), в конечном итоге приведет к тому, что система международных расчетов, основанная на долларе, начнет трансформироваться, и это будет хорошей возможностью для изменения мировой валютной системы в целом. А с этим, естественно, уменьшится и превосходство Запада.

Технологическое превосходство. При сохраняющемся превосходстве Запада уровень его технологического отрыва все же уменьшается и будет уменьшаться за счет следующих тенденций. Во многих крупных корпорациях и научных лабораториях работает большое число ученых и технических специалистов из развивающихся стран (которые, соответственно, становятся носителями инновационной информации и технологии). Многих специалистов приглашают развивающиеся страны, другие сами охотно ищут такие вакансии, поскольку на Западе вакансий недостаточно. Такие государства, как Китай, стали активно приобретать целые корпорации с их технологиями. КНР и другие продвинутые развивающиеся страны несут технологии в менее развитые общества. ТНК вынуждены переносить все больше технологий в развивающиеся страны и частично поощрять в этих странах передовые научные исследования. И чем больше развивающиеся страны продвинулись в культурно-научном отношении, чем больше там будет квалифицированных научно-технических кадров, тем активнее пойдет процесс переноса в них части исследований (где издержки на персонал существенно меньше). Произойдет нечто похожее на перенос промышленных предприятий.

На формирование нового баланса значительно влияет технологическая составляющая, прорыв к инновационной экономике. Мы уже высказывали свои предположения, что новая мощная технологическая волна начнется в 2030–2040-е гг. (см.: Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015). И от того, кто возглавит («оседлает») новый технологический уклад, во многом зависят контуры нового мирового порядка, тем более если эти инновации конвертируются и в военное превосходство. Разумеется, США имеют шансы удержать свое лидерство в мире. Но вполне вероятно, что прорыв к новым технологиям произойдет на стыке первого и третьего миров, в каких-либо ТНК, принадлежащих одновременно и метрополии, и периферийным странам (что, кстати, будет вполне логично для глобального мира). Во всяком случае, попытки США задержать технологическое развитие китайских крупных корпораций, таких как Хуавэй, показывает, что технологическое лидерство США под большой угрозой.

Однако даже в случае нового технологического рывка на Западе этим обществам с ограниченными трудовыми ресурсами и населением, которое все более отвыкает от работы на промышленных предприятиях, будет сложно развернуть какие-либо новые инновационные массовые производства только в собственных государствах. И тогда либо начнется новый виток деиндустриализации, когда оставшаяся индустрия будет сворачиваться и переводиться за рубеж (что опять-таки усилит развивающиеся страны), либо часть инновационных производств начнет разворачиваться в развивающихся странах. То есть даже если технологический отрыв Запада произойдет вновь, он не будет столь значительным и фатальным, как случалось ранее.

Экономическое превосходство Запада в настоящий момент выражается в более высоком уровне организации и производительности труда, доходов на душу населения, общей трудовой и деловой культуры. Однако этот разрыв все же постепенно сокращается, поскольку производительность труда в развивающихся странах растет существенно быстрее, чем в развитых. Мы полагаем, что такая тенденция будет продолжаться еще достаточно долгое время. Дело в том, что в первых огромный рост производительности

идет за счет притока сельского населения в промышленность и строительство, постепенной механизации сельского хозяйства. А в западных странах основные рабочие места создаются в сфере услуг, где рост производительности труда не слишком велик. При этом часть сферы квалифицированных услуг (программирование, менеджмент, бухгалтерия и т. п.) уходит в развивающиеся страны через информационные каналы (особого рода аутсорсинг, когда услуги оказываются людьми на удалении). В результате в западных странах у очень значительной части населения уровень доходов относительно низкий (ведь работа не слишком квалифицированная), он не увеличивается или растет медленно, что приводит к постепенному размыванию среднего класса. Последний ранее был основой стабильности общества в развитых странах. Теперь же разрыв в доходах в обществе увеличивается (что достаточно опасно), а в развивающихся странах постепенно уменьшается, так как средний класс растет.

Резко повысить производительность в сфере услуг (например, за счет ее роботизации) если и возможно, то в отдаленном будущем. Но в целом даже такие прорывы не смогли бы переломить ситуацию с сокращением разрыва между развивающимися и развитыми странами. Уже сам по себе огромный растущий рынок развивающихся стран при неизбежных колебаниях, откатах и кризисах обеспечит тренд на экономический рост, рост производительности и благосостояния их населения, хотя на это потребуются несколько десятилетий.

Соответственно экономическая структура Мир-Системы начнет перестраиваться, роль нынешнего ядра продолжит уменьшаться.

Преимущества развивающихся стран. Третий мир начал движение к развитию, и его уже не остановить. С учетом его громадного населения это движение не может не быть грандиозным. Незападный мир составляет 6/7 всего населения нашей планеты и, что особенно важно, еще большую часть молодого населения (там живет примерно 7/8 молодежи мира). Развивающиеся экономики все заметнее настраиваются на рост, а население – на повышение своего образовательного, культурного, экономического уровня. При этом множество стран, в которых проживает примерно четверть населения планеты, пока мало затронуты стремлением к росту и улучшениям. Однако большинство из них рано или поздно осознают его необходимость. А в странах, которые уже начали свой подъем, до половины жителей придерживаются архаичного образа жизни. Иными словами, основная часть населения развивающихся стран фактически еще не включилась в подъем, в активное стремление к росту, заработку, повышению квалификации. То есть резервы роста здесь огромные.

Такое включение будет более массовым уже на уровне поколения, которое сейчас молодо, при этом разрыв в численности молодежи между первым и третьим миром будет увеличиваться. Волна за волной будут подниматься развивающиеся страны. Многие из них уже сегодня превосходят по населению Германию и приближаются к Японии, а другие, такие как Бангладеш, Индонезия, Нигерия, превосходят Японию, составляя от половины или трех четвертей населения США. Не говоря уже об Индии с ее 1,3 млрд человек – больше, чем во всех развитых странах, вместе взятых. И население это будет заметными темпами расти далее.

Также следует иметь в виду, что рождаемость в этих странах сокращается, где-то быстрее, а где-то медленнее. Следовательно, с одной стороны, какое-то время за счет подрастающих детей численность молодежи и трудовых ресурсов будет увеличиваться, но далее количество детей сократится, то есть иждивенцев станет меньше, а работающих больше (тем более что женщины, имеющие меньше детей, смогут также работать). Это создает так называемый демографический дивиденд. Развитые страны (и Китай) его уже

истратили, зато во многих развивающихся странах будет наиболее благоприятное соотношение работающих и иждивенцев. А пожилых людей окажется не очень много⁵. Это будет способствовать росту подушевого дохода. Таким образом, демографический аспект делает во многом неизбежным «подтягивание» развивающихся экономик к развитым, а в валовом отношении – к тому, что доля развивающихся стран станет существенно большей, чем развитых. На этом фоне проблемы обеспечения пожилых и престарелых людей на Западе будут только возрастать (см.: Гринин, Коротаев 2015; Гринин, Гринин, Коротаев 2016; Гринин, Гринин 2018).

А в долгосрочном плане в условиях глобализации и все более тесного взаимодействия экономик, роста значимости ТНК и финансовых потоков в целом, именно объемы производства и совокупная экономическая и демографическая мощь стран будут все заметнее определять баланс сил в мире и их влияние на формирующийся мировой порядок. Взгляды западного бизнеса (прежде всего ТНК) в условиях численно стагнирующего и стареющего населения собственных стран будут неизбежно обращены на растущие рынки и увеличивающееся количество потребителей в развивающихся странах. Будет продолжаться перенос разных форм экономической деятельности в эти страны. Вместе с активизацией экономических и финансовых стратегий развивающихся государств это сделает неизбежным изменение баланса сил и правил мирового порядка. Не следует забывать и о том, что среди населения развитых стран растет доля выходцев или потомков выходцев из развивающихся стран. К этому времени их будет очень много, а их влияние на общую культурную ситуацию в Европе и США, на политику и связь со странами исхода возрастет⁶. И это может стать дополнительным крупным козырем развивающихся стран (наряду с культурными, технологическими и валютными вливаниями из развитых стран).

Переходный период и противоречивые тенденции. Такой период всегда содержит в себе множество противоречивых тенденций. Так, например, в условиях глобализации тенденция к сокращению суверенных прерогатив, многие из которых отчуждаются добровольно (например, при вступлении в различные наднациональные объединения, мировые соглашения и т. п.), объективна (Гринин 2005; 2008). Однако в настоящий момент наблюдается некоторый пересмотр отношения к суверенным полномочиям, поскольку целый ряд стран начал активно отстаивать свой суверенитет в связи с угрозой внутренней нестабильности, идущей от США. Но эта борьба за сохранение вроде бы старых институтов на самом деле означает борьбу уже за новый мировой порядок (см. Гринин, Гринин 2019).

Эпоха новых коалиций и контуры нового мирового порядка. Переход к новому порядку – это всегда поиск новых комбинаций. Неудивительно, что процесс «подтягивания» политической составляющей также вызвал усиление стремления к поиску новых союзов и партнерств, часто непривычных, нелогичных и неустойчивых (что не отменяет, разумеется, стремления сохранить старые объединения). Этот процесс активного создания различных союзов, комбинаций стран и их объединений мы назвали, как указано выше, *эпохой новых коалиций* (см.: Гринин 2009б; 2012); он и станет основанием для формирования нового мирового порядка. Процессы формирования новых комбинаций и поиска новых оснований пойдут более активно после того, как острая фаза борьбы за сохранение гегемонии США в прежнем виде покажет неизбежность и разумность смены

⁵ Проблемы безработицы мы не касаемся, но ясно, что данная проблема при всей ее остроте будет в то же время способствовать активному развитию производства и притоку производительного капитала, то есть экономическому росту.

⁶ В целом мы полагаем, что это будет одновременно снижать общий уровень в развитых странах, но способствовать их конвергенции с развивающимися (см. также: Бьюкенен 2015).

курса для этой страны, хотя пока мы видим острый приступ гегемонистского изоляционизма.

Пример с БРИКС, а также то, что участие в данном неофициальном союзе открывает возможность присоединения к другим союзам, таким как ШОС или ЕврАзЭС, показывает, что страны будут участвовать в значительно большем количестве различных блоков, союзов и партнерств, чем сегодня, причем при активизации привлечения в союзы новых членов комбинации могут быть самыми разнообразными. В то же время в результате на какое-то время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие союзы и коалиции порой могут представляться химерическими или эфемерными, что способно дополнительно усилить общую турбулентность.

По мере осознания того, что начинается формироваться новый мировой порядок, усилится конкурентная борьба за то, кто станет направлять процесс его формирования в мире и отдельных регионах. И тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового и регионального устройства, для чего, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В этом случае характер отстаивания национальных интересов, формы конфликтов постепенно начнут приобретать иной вид. Мы надеемся, что после определенного периода «игры без правил» мировая арена все же начнет рассматриваться как общее поле интересов, на котором надо устанавливать и поддерживать приемлемые и выгодные для всех правила игры. В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных решений постепенно некоторые из новых наднациональных союзов и объединений могут превратиться из временных в постоянные, тем самым начнется выработка эффективных институциональных форм нового миропорядка. В этом же процессе начнут выработываться некоторые новые нормы мирового права и новые общие принципы мирового порядка. А страны, продолжающие в грубой форме отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проиграют.

3. Изменения, необходимые для формирования нового порядка

Итак, турбулентная эпоха должна в идеале привести к формированию нового баланса сил, к выработке основных принципов нового мирового порядка. Рассмотрим некоторые из этих принципов, но основе которых, возможно, он будет выстроен.

3. 1. Система глобального влияния

Глобализация как объект регулирования и учета интересов. Мы думаем, что именно глобализация, как бы к ней ни относились, станет экономической основой для продвижения в формировании нового мирового порядка. Но для более устойчивого порядка необходим некий консенсус и опора на принципы компромисса, такие, как: «в одной лодке», «друзья – соперники», «не использовать недопустимых средств» и т. п. То есть в условиях неизбежного соперничества и попыток «перетянуть одеяло на себя» необходимость поддержки какого-то приемлемого устойчивого положения должна рассматриваться в качестве императива.

Поэтому мы полагаем, что хотя бы некоторые процессы глобализации должны быть оформлены в виде писанных или неписанных правил. Потребуется определенное упорядочение международной финансовой и экономической деятельности (в этом будет заинтересовано большинство стран, осознавших тяжелые последствия экономических кризисов [Гринин, Гринин 2019]). Здесь, разумеется, откроется большой простор для попыток усилить позиции определенных стран и блоков. Поскольку в процессе глобализации роль ТНК очень велика, каким-то формальным образом должны быть определены и позиции этих корпораций. В целом нам представляется, что, с одной стороны, должна усилиться

ответственность корпораций за их публичные действия. Так, сегодня заявление крупнейшего рейтингового агентства может обрушить валюту, а то и экономику даже большой страны. Эти возможности должны быть ограничены соответствующей ответственностью (и уже ограничиваются, например правилами ЕС). Но с другой стороны, ТНК могут получить некоторые дополнительные привилегии и права. Какие, пока неясно, но понятно, что вокруг этого будет вестись довольно длительная и напряженная борьба. Еще одним серьезнейшим пунктом станет вопрос о мировой валюте, от решения которого зависит очень многое. Но, по-видимому, здесь движение будет двусторонним. С одной стороны, сохранятся и усилятся попытки развивающихся стран продвигать свои валюты и пытаться усилить их роль на международном финансовом рынке и пр., а с другой – грядущие мощные финансовые потрясения неизбежно приведут к хотя бы частичному пересмотру роли доллара в мире.

Усиление роли наднациональных союзов. О мировых регулирующих органах. Представляются вероятными следующие тренды: а) рост значения наднациональных организаций, представляющих интересы своих членов на мировой арене; б) некоторое упорядочение процесса трансформации национального суверенитета (в чем-то он сократится, в чем-то – усилится), так что национальное государство останется ведущим субъектом международного процесса, но уже будет вынуждено сосуществовать с другими субъектами – наднациональными и транснациональными; в) возникновение *смешанного характера «концерта» мировых игроков в виде* государств, их различных союзов, а возможно, и каких-то отдельных корпораций или организаций (подобно тому, как в средневековых парламентах и органах были представлены сразу и территории, и корпорации, и города, и знатные люди и т. п.).

Если такого рода наднациональные союзы получат определенные возможности влиять на ситуацию в мире, а тем более формальное право голоса на международных форумах, то это, с одной стороны, усилит стремление вступать в них, с другой – более тесно сплотит их членов изнутри.

Разумеется, встает вопрос о каких-либо новых мировых институтах, которые бы позволяли претворять новые принципы в жизнь. Хотя старые мировые органы вряд ли смогут играть соответствующую роль, в то же время они едва ли будут демонтированы. Скорее новые институты будут создаваться параллельно старым.

Новый мировой «концерт»? Итак, с одной стороны, система участников международной арены начнет постепенно трансформироваться, причем в сторону наднациональных акторов, с другой – разумеется, в ближайшие десятилетия трудно рассчитывать, что удастся создать систему, в которой могли бы эффективно участвовать все. Именно поэтому сокращение национального представительства за счет наднациональных объединений могло бы стать эффективным путем. Но в любом случае основную роль стали бы играть наиболее крупные наднациональные объединения и государства (последние могли бы быть представлены и самостоятельно, и от имени объединений).

Если новый порядок не будет ни однополюсным, ни двупольным, то соответственно, скорее всего, он будет представлять собой некий коллектив крупнейших игроков (стран и союзов). Что-то вроде G-х, то есть объединения трех – пяти – семи или более крупнейших держав и блоков, которые смогут каким-то образом обеспечивать и гарантировать новый порядок. Это могут быть, например, США вкупе с каким-нибудь блоком, ЕС, Китаем, Индией, Россией. Либо последние три страны будут представлены также объединением БРИКС. Итоговый расклад сил может быть самым разным. То есть возникнет некий новый мировой «концерт» государств и надгосударственных союзов. Разумеется, всякого рода конфликты и коллизии всегда будут иметь место, но все же наиболее крупным игрокам договориться будет проще. А чтобы порядок держался, тренд должен идти в сторону институционализации этого «концерта» (возможно, с учетом опыта

ООН, но более эффективно оформленного, что-то вроде права вето с несколькими уровнями участия и разными правами).

3.2. О принципах нового мирового порядка

Новый мировой порядок потребует достаточно устойчивого баланса сил и интересов, новых моделей наднационального управления и координации мировых процессов, новых принципов, способствующих уменьшению противостояния и стимулирующих сотрудничество. Сформулируем их краткий перечень.

1) **Плюрализм политических режимов**, то есть признание: а) правомерности и легитимности всех режимов; б) идеи, что любой режим (включая и демократический) имеет свои плюсы и минусы; в) ценности плюрализма режимов (подобно плюрализму религий).

2) **Отказ от насильственного навязывания институтов** (в том числе и насаждения демократии).

Комментарий. Для выработки нового мирового порядка и моделей развития плюрализм режимов имеет важное эволюционное значение, обеспечивая необходимое разнообразие. Не доказано, что именно демократические принципы являются наилучшими. Напротив, демократия в условиях глобализации может оказаться ущербной и нестабильной. Только соревнование разных режимов позволит найти лучшие модели для будущего. Отказ от признания демократии универсальным строем для всех и от навязывания ее любой ценой может стать важной частью создания общего поля интересов и правил. Необходимо признать, что демократия подходит далеко не для всех случаев (тем более в многонациональных и многоконфессиональных регионах, где не сложились устойчивые нации и государства и сильно влияние религии). Борьба с бедностью, болезнями, высокой смертностью, неграмотностью, вопиющей несправедливостью наряду с экономическим развитием неизбежно приведет к значительному прогрессу в области семейных и иных отношений в микрообществах даже в регионах с сильным влиянием ислама. Для этого демократии не требуется, тем более что уже есть общепринятые декларации, которые ведут к улучшению общественного статуса женщин и детей.

3) **Признание ценности стабильности, порядка, легитимности и отказ от инспирирования внутренних революций.** Это означает, что: а) социальный порядок, гарантия безопасности и экономический рост даже в условиях авторитаризма признаются более важными, чем формальные демократические права; б) поддержка антиправительственных выступлений, грозящих анархией и свержением правительства (и тем более подстрекательство к свержению режима), может осуществляться только в исключительных случаях, легитимизируемых общепризнанными международными институтами.

4) **Жесткое ограничение и регламентация использования санкций.** Введение санкций должно быть жестко ограничено и помещено в строгое процедурное русло (причины, случаи, доказательства, переговоры, прецеденты и пр.).

5) **Запрет на использование глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики.**

6) **Гарантии государственных границ**, ограничения всякого рода сепаратистских движений, под какими бы лозунгами они ни проводились. Это существенно уменьшило бы международные трения.

7) **Отказ от навязывания новых этических и правовых стандартов** (особенно в сфере половых и семейных отношений) и дискриминации под этим предлогом.

Очевидно, что само по себе признание принципов не гарантирует их выполнения, но важно уйти от сегодняшней практики, когда идеалы демократии, борьбы с коррупцией или прав человека используются как таран в геополитической борьбе. Важно, чтобы

уменьшение жесткого противостояния в обществах и в мире, равно как и увеличение возможностей для сотрудничества, стало приоритетом.

4. Некоторые предположения о принципах и механизмах формирования и существования нового порядка

Поиск новых форм и принципов организации – это сложный эволюционный процесс, в рамках которого постепенно выкристаллизовываются наиболее перспективные формы для нового типа отношений и союзов. Поскольку многие из этих союзов окажутся очень неустойчивыми, неизбежен некий естественный отбор принципов и форм, а равно идеологии и иных символических ресурсов этих объединений. Выскажем некоторые идеи о возможных формах и принципах объединения в наднациональных союзах (с учетом того, что никакой унификации здесь быть не может).

Кризис демократии и неизбежный поиск новых форм управления. Демократия, имея определенные преимущества в национальном масштабе (но далеко не везде и не всегда), может их утратить в рамках наднациональных образований. Например, европейское объединение, прежде казавшееся образцом, в настоящее время таковым уже не выглядит, так как выявились серьезные проблемы. В частности, сверхдемократические процедуры и требование консенсуса создают противоречивость управления де-юре и де-факто (в последнем случае более сильные государства «выкручивают руки» более слабым⁷, но в то же время посредством влияния на этих «более слабых» внешние силы могут влиять на ситуацию в рамках всего союза). Поэтому принцип демократии скорее всего будет лишь частью (и не всегда ведущей) механизма создания такого рода органов. Тем не менее опыт ЕС крайне ценен (важно, в частности, понять, насколько работают принципы убывающей пропорциональности или совмещения интересов его малых и крупных членов).

Повышение роли экспертов. Эксперты и демократия. Отказ от демократии как ведущей формы наднационального управления требует каких-то новых форм. Одно из наших предположений – рост роли экспертов и международных экспертных органов. Уже сейчас де-факто их возросшая роль порой очень велика, например в деятельности рейтинговых агентств. Поэтому не исключена трансформация движения в сторону чего-то вроде *экспертотократии* (подобно тому как повысилась роль управляющих корпораций в 1920–1930-е гг. [Burnham 1941]). Соответственно могут возникнуть и формальные органы экспертов, которые начнут играть политическую роль. Например, если выдвижение экспертов на основании их профессиональных заслуг станет прерогативой национальных академий или иных научных и специальных учреждений (собраний), либо результатом публичного избрания из числа предварительно отобранных профессиональными сообществами специалистов. Смысл таких собраний экспертов – в проведении экспертизы (непосредственной или с помощью соответствующих экспертных организаций) и научного анализа различных актов и решений на предмет их соответствия достижениям науки. Сегодня многие решения принимаются (если не брать в расчет ангажированность и лоббирование) на эмоциональной основе, без расчетов и понимания последствий (те же климатические или энергетические законы; законы, связанные с регулированием медицинского и иного воздействия на организм, воспитанием детей, воздействием на общество разного рода информационных технологий и т. п.). Важно учитывать постоянные изменения в развитии науки и технологий, иметь возможность оперативного регулиро-

⁷ При этом ряд новых членов ЕС становится источником миграции для крупных игроков и рынком для сбыта их товаров, в результате чего национальные экономики деградируют. Это весьма вероятно в любом объединении, и потребуются большая работа, чтобы найти формы, которые оптимизировали бы интересы крупных и мелких игроков в одной команде.

вания этих процессов. При неизбежной ограниченности (и возможной ангажированности) решения экспертов все же будут более взвешенными, отвечающими уровню современного общества. Таким образом, эксперты станут чем-то вроде еще одной ветви власти, их роль возрастет, а положение экспертных организаций отдаленно будет напоминать позиции цехов и гильдий позднего Средневековья.

Эксперты в отличие от политиков имеют другую природу авторитета, поэтому могут действовать без оглядки на избирателей и общество. Кроме того, эксперты транснациональны в отличие от политиков. Эксперты разных наций (если они объединены единым профессиональным этосом) нередко ближе друг к другу, чем к представителям своей нации, не имеющим образования.

* * *

Таким образом, есть много оснований думать, что баланс сил в мире в целом в течение ближайших трех-четырёх десятилетий существенно изменится в пользу стран, считающихся сегодня развивающимися, или их союзов. Рано или поздно начнется движение в сторону общемирового управления (принятия согласованных общих решений). И десятикратное превосходство в населении развивающихся стран над развитыми (каковое появится примерно к 2050 г.) будет сложно игнорировать.

В целом впереди нас ждут сложные и беспокойные годы, годы радикальной трансформации баланса сил между разными странами и союзами. В то же время это будет период серьезных перемен, закладывающих базу под структуру будущего мирового порядка. Тем не менее на долгий период самой главной останется проблема столкновений и совмещений национальных и наднациональных, групповых и общемировых интересов.